

О.А. Жукова

ОБРАЗ, СИМВОЛ, ЛИК: ОНТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ Ф.А. СТЕПУНА*

Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; e-mail: logoscultura@yandex.ru

Настоящая статья посвящена выявлению особенностей творческой эволюции Ф.А. Степуна, результатом которой стала философская концепция христианской культуры и истории. В центре рассмотрения философа находится феномен культуры как условия и пути восхождения к Абсолюту. Степун мыслит культуру как универсальное начало социальности и творчества человека в исторически конкретной форме ее существования. В статье показано, что таким идеальным типом, обладающим одновременно универсальными и уникальными чертами, для него выступает русская культура в ее истории. Согласно Степуну, она выражает себя в образно-символическом порядке бытия и имеет свой вечный лик в метафизическом горизонте истории. В работе формулируется тезис, что Степун вырабатывает специфический философско-социологический метод постижения культурной истории России, сосредотачиваясь на историософской критике русской революции в эмигрантский период. Опираясь на ряд теоретических положений неокантианства, мастерски используя разные жанры философского дискурса, он пытается преодолеть онтологическое противоречие между жизнью и творчеством в идее христианской культуры. Тем самым Степун дает свой ответ на ключевой вопрос европейской и русской мысли о соотношении веры и разума, настаивая на необходимости христианских убеждений для философа как творческой личности и носителя духовно-интеллектуальной традиции культуры.

Ключевые слова: онтология культуры, метафизика истории, трансцендентальная философия, русская мысль, неокантианство, творчество, жизнь, символизм, революция

Для цитирования: Жукова О.А. Образ, символ, лик: онтология культуры и истории Ф.А. Степуна // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18. № 2. С. 94–108.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

В поисках живой реальности духовного бытия

Философ, писатель, публицист Ф.А. Степун (1884–1965), включенный В.В. Зеньковским и Н.О. Лосским в историографический канон отечественной мысли, как и многие русские интеллектуалы, после революции вынужденно оказался в эмиграции. До конца жизни находившийся за пределами родины, Степун считал, что главная задача эмиграции состояла в защите России «перед лицом Европы» и в сохранении «*образа русской культуры*» (курсив мой. – О.Ж.)¹. В чем можно видеть его философский вклад в выполнение этой задачи?

Обращаясь к творчеству Степуна, Зеньковский отмечает только одну его философскую книгу – «Жизнь и творчество», вышедшую уже в эмиграции, в 1923 г., в Берлине. Отдавая дань «тонкости мысли» ее автора, он высказывает сожаление, что «философски зоркий и чуткий мыслитель» был «захвачен другими темами», оставив профессиональную философию². Подобная оценка творчества Степуна не кажется справедливой в силу того, что мыслительная практика автора «Жизни и творчества», как и его подход к изложению и проблематизации разнообразных публицистических, художественных, мемориальных сюжетов, остается философским. Такая интерпретация объясняется еще и тем, что одна из главных философских книг Степуна «Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма» вышла в свет в Германии на немецком языке в 1964 г., после кончины историографа. Рассматривающий историю отечественной мысли с точки зрения становления в ней метафизических систем, Зеньковский, отнесший Степуна к «чистым» трансценденталистам неокантианского толка³, не увидел в нем автора, идущего по пути строительства оригинальной метафизики. По словам Зеньковского, у него были намеки на преодоление трансцендентализма в религиозности как первостихии, в «мистическом априори», в «знании Бога живого», но он не стал последовательно развивать свои представления в «настоящую метафизику»⁴.

Авторитетное мнение Зеньковского с историко-философской точки зрения, мы считаем, может быть оспорено, и ключевым контраргументом здесь выступает итоговая книга Степуна «Мистическое мировидение». Она органична для традиции русской религиозной мысли, являясь ее поздним памятником. Книга не вошла в философские летописи Зеньковского и Лосского, но законным образом представляет искомый путь строительства метафизики. В этом смысле дистанция между докторской диссертацией Степуна на тему «Историософия Владимира Соловьева», защищенной в 1910 г. в Гейдельберге под руководством В. Виндельбанда, и книгой о русском символизме, вышедшей за год до кончины русского мыслителя, в духовном и идейном отношении не такая далекая. Этот тезис представляется нам верным. Тема же Соловьева, его философского и художественного влияния на плеяду авторов начала века и на самого Степуна остается смыслообразующей для его творчества, центрирующей интеллектуальный опыт мыслителя

¹ Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. М.; СПб., 2017. С. 537.

² Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т. 2. Ч. 1. Л., 1991. С. 253.

³ Там же. С. 252.

⁴ Там же. С. 253.

вокруг проблематики русской культуры, данной в ее истории⁵. В работах Степуна разного периода отчетливо просматривается *метафизическая* перспектива, связанная с возрастанием духовно-жизненной потребности философа и писателя во Христе, в углубляющемся его христианском самосознании, которое формирует его этическую и интеллектуальную оптику – особый способ *переживания и выражения* действительности, ее мыслительной рецепции, художественно-философского осмысления и репрезентации, в центре которой – Россия и русская культура как *пространство* христианских смыслов⁶.

Эта духовно-творческая интуиция, экзистенциально усиливаемая опытом жизни, приведет талантливого ученика неокантианской школы, начавшего свой путь в России в качестве проводника «научной философии»⁷, к утверждению, выражаемому с неприкрытым религиозным пафосом. Бывший неокантианец-трансценденталист определенно заявит, что «нужна и возможна философия твердо и искренне верующих христиан, но невозможно и ненужно ни философское обоснование, ни философское истолкование христианства»⁸. Путь от неокантианского журнала «Логос» – русской версии ежегодника по философии культуры, восемь выпусков которого вышли в течение 1910–1914 гг., будет философским и духовным восхождением Степуна к *Логосу* как началу жизни и творчества – к Логосу-Христу, к борьбе за который призывал В.Ф. Эрн, открывший острую полемику между представителями неозападничества и неославянофильства об онтологическом статусе Логоса и пути русской мысли⁹.

Пережив революционный надрыв русской истории, Степун и многие другие оппоненты Эрна заметно приблизились к его пониманию онтологических основ русской культуры, неотчуждаемой частью которой выступает религиозно-философская традиция России¹⁰. На страницах мемуаров «Бывшее и несбывшееся» он фактически откажется от своего неокантианского прошлого: «Не без инстинктивного протеста я был почти насильнически вовлечен в круг методологических вопросов неокантианства»¹¹. Такое подчеркивание своей нетождественности с неокантианством наводит на мысль, что Степун хочет дистанцироваться от как будто бы приписанной, буквально

⁵ Гаман Л.А. «Символическое мировидение» Вл. Соловьева в свете проблемы направленности исторического процесса: интерпретация Ф.А. Степуна (1884–1965 гг.) // Соловьевские исследования. 2021. № 3. С. 93.

⁶ См. также: Ермичев А.А. Федор Августович Степун: христианское видение России // Степун Ф.А. Чаемая Россия. СПб., 1999. С. 447, 465.

⁷ Штаммлер А.В. Ф.А. Степун // Русская религиозно-философская мысль XX века. Питтсбург, 1975. С. 323.

⁸ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся: в 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1956. С. 356. См. также: Chernysheva A., Kostikova A. Russian Neo-Kantianism of Fyodor Stepun and Sergius Hessen: Features of the Philosophy of Culture // Proceedings of the International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2018). Dordrecht, 2018. P. 771–774; Dmitrieva N.A. Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The Particularities and Issues of Russian Neo-Kantianism // Russian Studies in Philosophy. 2016. Vol. 54. No. 5. P. 382.

⁹ Эрн В.Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 78–79.

¹⁰ Степун Ф.А. Письма. М., 2013. С. 612. См. также: Гаврилов И.Б. Ф.А. Степун о России и русской философии // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 348.

¹¹ Степун Ф.А. Неопубликованные материалы из архива Ф.А. Степуна // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 286.

навязанной ему философской идентичности. Однако с ним не согласен Лосский, для которого Степун – носитель идей трансцендентально-логического идеализма неокантианского типа. Правда, в отличие от Зеньковского, он все же фиксирует, что в построениях Степуна намечается оживление метафизики через допуск абсолютного начала в онтологии и признания возможности интуитивного познания¹². Лосский указывает на основную метафизическую проблему, которую пытается решить Степун, проводя различие «между двумя типами опытов: опытами творчества и опытами жизни»¹³. Согласно Лосскому, творчество у Степуна подчинено «дуализму субъективно-объективных отношений, тогда как жизнь выражена идеей положительного всеединства»¹⁴. В данном контексте справедливо утверждать, что философским горизонтом, к которому устремляется последователь неокантианства, оказывается «положительное всеединство». Эта идея-концепт, определяющая ядро религиозной идеалистической программы Вл. Соловьева, словно бы начинает метафизически «облучать» мысль Степуна, постепенно оказываясь в ядре его онто-гносеологических представлений, выражаемых искомым *идеалом единства* познания, жизни и творчества. В итоге они разворачиваются в религиозно окрашенную концепцию культуры, понимаемую как история творчества – духовного, художественного, социального, и имеют проекции в область христианской философии истории, куда включены истории – *интеллектуальная* (русская мысль, литература, искусство) и *политическая* (русская революция и большевизм).

По признанию ученика и биографа Степуна Андрея Штаммлера, вступая в споры с протестантами-богословами, его учитель «страстно настаивал на признании Христовой божественности, без которой все христианство можно было бы выбросить за борт»¹⁵. Боязнь профанирования божественности Христа как со стороны невежд-атеистов, так и со стороны философов-рационалистов, трансценденталистов, феноменологов, а также ученых протестантов, окружавших в германских университетах Степуна, была и выражением его личной веры, и интеллектуальным кредо. Понимая, что для современной науки «всякая апелляция к Богу и к истине как к началу объективности» неубедительна¹⁶, Степун не сомневался, что вопрос об объективности познания культурных и духовных феноменов жизни, поставленный неокантианцами, *если и возможен*, то только на путях, «возносящих его из временно-пространственного мира в сферу трансприродного и метаисторического бытия»¹⁷. Иными словами, на неокантианский вопрос был дан русский религиозно-философский ответ. Все это позволяет нам утверждать, что результатом философского пути Степуна становится оригинальная метафизически формулируемая и развиваемая *концепция христианской культуры и истории*, включающая в себя аналитику и критику отечественной истории через осмысление и моральную оценку ее событий, имеющего масштаб цивилизационного кризиса – русской революции.

В связи с задачей философской реинтерпретации творческого наследия Степуна нас интересует ключевой вопрос, наиболее сильно, как мы полагаем,

¹² Лосский Н.О. История русской философии. М., 2011. С. 423.

¹³ Там же. С. 429.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Штаммлер А.В. Ф.А. Степун. С. 329.

¹⁶ Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. С. 10.

¹⁷ Там же.

занимавший и заботивший его. Он связан с проблемой верификации религиозного, жизненного, творческого и социально-политического опыта – их проницаемости для разума и духовной (мистической) интуиции, что находит выражение во взаимодействии между культурой и Церковью, государством и Церковью, божественной правдой и правом, духовным Абсолютом и человеческой свободой. Задаваясь этим вопросом, Степун возвращается в историко-философское поле русской мысли, размышляющей о специфике философского процесса в России и форм его творческой актуализации. Прямым свидетельством этого является педагогическая и научная деятельность Степуна на специально созданной для него кафедре русской духовности в Мюнхенском университете¹⁸.

Степун наследует тематизированную славянофилами проблему философской истины и спасения верой, в построениях Вл. Соловьева приобретающую уже вид этически окрашенной религиозной метафизики Всеединства. В основе поисков русских мыслителей соловьевского направления лежал сложный синтез идеалистических философских систем нововременной и неоплатонической мысли, христианской мистики и богословия, новейших течений философии и экуменических христианских дискуссий. Степун преемственным порядком становится в этот ряд, в книге «Мистическое мировидение» пытаясь найти ответ на то, как в русской истории проявляет себя *Церковь, революция и любовь* – «тематическое триединство символов»¹⁹. Тем самым он причисляет себя к наследникам соловьевской традиции – к авторам и свидетелям символической эпохи как высшей религиозно-философской и художественной фазы развития культуры России периода империи. Степун будет убеждать читателей в том, что «есть только одна истинная культура – культура богоискательства, и только одна истинная поэзия – поэзия символизма»²⁰, словно бы дописывая летопись русской интеллектуальной культуры, не завершенную Зеньковским и Лосским.

От трансцендентальной философии к христианской метафизике культуры и истории

В знаковой для эмигрантской традиции «Истории русской литературы» Д.П. Святополк-Мирский причисляет Степуна к политическим писателям довоенного поколения, включая в этот ряд также Бердяева, Струве, И. Ильина, Шульгина, Алданова-Ландау, Бунакова-Фондаминского²¹. В оценке историка литературы Степун – автор, который пытается «примирить социализм и демократию с православной Церковью»²². Святополк-Мирский выделяет дарование Степуна, называя его среди самых талантливых авторов военного периода, считая «искренним мыслителем, истинным демократом и истинным патриотом»²³. Показательно, что к когорте политических писателей-мыслителей историк литературы причисляет соратника Федора Степуна

¹⁸ Федор Августович Степун. М., 2012. С. 363.

¹⁹ Степун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма. СПб., 2012. С. 30.

²⁰ Там же. С. 29.

²¹ Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск, 2014. С. 729.

²² Там же.

²³ Там же. С. 786.

по эсеровской партии Илью Бунакова-Фондаминского, вместе со Степуном и Георгием Федотовым издававшим в 1930-е гг. журнал «Новый град»²⁴. Преодолевая синдром национальной травмы, бывшие эсеры Бунаков-Фондаминский, Степун и бывший марксист Федотов после революции в патриотическом настрое начинают сближаться со старшими веховцами Струве и Бердяевым. Их объединяет историческая самокритика во имя России и борьба за ее будущее. Характерно, что в качестве эпиграфа к своей книге о прогнозах устройства постбольшевистской России русской эмиграции историк М.Г. Вандалковская предпосылает цитату из Степуна как общее и наиболее точное выражение морального чувства и текущих задач интеллектуального класса России в изгнании. «Если у эмигрантов есть какая-нибудь задача, то она не может состоять ни в чем ином, как только в непрерывной работе над возвращением в русской душе и в русском сознании образа России», – не допуская иного сценария, формулирует Степун²⁵. Для его писательского самосознания образ России – одновременно конкретен и универсален в своей исторической, культурной, личностно-психологической архитектонике²⁶. Одним из таких образов исторической России – образов сущностного рода – является для Степуна Москва. Восприятие Москвы, ее культурной самобытности, воплощающей жизненные смыслы и практики русскости, изменяется и перетолковывается Степуном в разные периоды творчества. Метафизическим «оселком» здесь становится революция²⁷.

Как и для Блока, революция для Степуна оборачивается переживаемым трансцензусом личности. Революция обозначает для него *переход* в другой модус исторической и бытийной реальности. Но символические образы России и революции у Блока и Степуна проявляют себя по-разному. Для поэта Россия, как Прекрасная Дама, не проясняет своего лица и исчезает в революционной стихии поэмы «Двенадцать», где вместо Дамы возникает фигура Христа, идущего впереди шествия «в белом венчике из роз». В изображении Блока метафизическая сущность Христа являет себя в революционном апокалипсисе. Для Степуна, напротив, образ России исполняется символического смысла и в трагическом катаклизме перед ним начинает проступать ее *вечный лик* как реальность Абсолютного, как присутствие живого Бога в истории, проводящего человека через очистительные страдания, спасающего его и заново открывающего для него многозначность духовного смысла жизни и культурного творчества²⁸.

В исследованиях русской истории и революции эмигрантского периода Россия как сущность у Степуна окончательно приобретает метафизический вид. Поэтому и идея России, ее миссия, согласно Степуну, заключается

²⁴ Там же. С. 729.

²⁵ Вандалковская М.Г. Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е годы XX в.). СПб., 2015. С. 5.

²⁶ Бузук Г.Л., Гуляев П.С. Архитектоника новой культуры: Ф.А. Степун о духе, лице и стиле русской культуры // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. Вып. 2. С. 50–51.

²⁷ О московской идентичности и трансформации образа Москвы в историософской рефлексии Ф.А. Степуна подробнее см.: Кара-Мурза А.А. Москва «до» и «после» Революции: социология родного города в сочинениях Федора Степуна // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 262–282; Kara-Murza A. "Peacetime Moscow", "Wartime Moscow", "Revolutionary Moscow": The Three Faces of Fyodor Stepun's Native City // Russian Studies in Philosophy. 2018. Vol. 56. No. 2. P. 119–152.

²⁸ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. М., 2009. С. 645.

в том, чтобы «стоять на страже религиозно-идеальной идеи и всюду и везде, где только можно, вести борьбу против ее идеологических искажений»²⁹. В этом смысле даже большевизм для Степуна становится доказательством, что и в измене своей идее «Россия в известном смысле осталась верна себе» – именно тому, что «идея России в блюдении Божьего замысла о мире и лика Его в каждом человеческом сердце»³⁰, что роднит его с бердяевским толкованием революции и судьбы русского народа³¹.

В какой мере можно говорить об общности метафизических и политико-философских интерпретаций русской культуры и истории Степуна и старшего поколения интеллектуалов-эмигрантов? В чем можно быть убежденным, так это в общем их неприятии большевизма и нацизма³². Ключевая фигура на политико-философском поле – Петр Струве, значительно «поправевший» в эмиграции и перешедший на позиции либерального консерватизма, концептуализированного им в национально-культурном идеале «пушкинской» России³³. В этой историософской проблематике Степун оказывается также рядом с Николаем Бердяевым, сформулировавшим «русскую идею» как метафизическую, переведшим политическую борьбу в область духа и настаивавшим на религиозном и этическом толковании смысла русской истории и революции³⁴, а также с Семеном Франком, во многом разделявшим либерально-консервативные идеи позднего Струве и осуществившим трудный опыт покаяния и самокритики русской интеллигенции как носительницы революционной идеологии³⁵. *Чаемая* Россия Степуна во многом напоминает струвистский проект будущей России в ее идеально-культурном виде – в гармоничном сочетании культуры и свободы, религии и политики, творчества и религиозного откровения³⁶.

Степун ждет встречи с новой, постбольшевистской Россией, когда должна будет «наступить некая историческая секунда, в которую решится вопрос бытия или небытия той русской христианской культуры, о которой так много говорилось в эмиграции»³⁷. Национальная же русская идея должна оставаться, по словам Степуна, двуплановой, когда русскость гарантируется не узким националистическим сознанием, а «многоплеменностью и многоязычностью» России, представляющую собой «не нацию, а семью наций», где бремя строительства нации принадлежит великорусскому народу³⁸. Степун прибегает к этико-политической и культурно-государственной формуле патриотизма Георгия Федотова о патриотическом чувстве малой родины – «украинской, крымской или сибирской», которое нераздельно должно быть связано

²⁹ Там же. С. 624.

³⁰ Там же. С. 626.

³¹ Бердяев Н.А. Русская идея. СПб., 2008. С. 300.

³² Кантор В.К. Федор Степун: русский философ против большевизма и нацизма // Слово / Word. 2005. № 45. С. 82–83.

³³ Жукова О.А. Дискурс о России и проблема общественного идеала в работах П.Б. Струве 1930-х гг. // История философии / History of Philosophy. 2022. Т. 27. № 1. С. 90.

³⁴ Бердяев Н.А. Русская идея. С. 301. См. также: Жукова О.А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М., 2022. С. 363–364.

³⁵ Жукова О.А. Русская интеллигенция перед лицом философской истины: исторический и моральный выбор // История философии / History of Philosophy. 2023. Т. 28. № 1. С. 36–37.

³⁶ Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.; Париж, 2004. С. 805.

³⁷ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. С. 660.

³⁸ Там же. С. 669.

с «чувством общерусского, имперского *отечества*»³⁹. На пути к чаемой России для Степуна было важным через воспитание возродить русскую духовность и внутренне преодолеть соблазн идеологизации культуры. Но если в пункте деидеологизации и возрождения России в христианском духе позиция Степуна идейно и практически несомненно сближается с Бердяевым, Франком и Струве, то по вопросу политической морали и политической прогностики со Струве он все же ощутимо расходится, и в этом проявляет себя философское самосознание Степуна, обремененное требованием рациональности как объективного критерия исторического познания.

Примечателен эпизод, который нашел отражение на страницах «России и славянства». Струве остро отреагировал на доклад Степуна на тему «“Новый град” и задачи эмиграции», сделанный в Праге весной 1932 г. В редакторской статье, названной «О нечуткости проповедников “Нового града”», Струве раздраженно пеняет Степуна на «беллетристический» подход к политике, возмущаясь тем, что тот берет на себя смелость «обличать русских людей, ищущих утешение в церкви», и называть эту естественную потребность подменой, «“лжерелигиозным чувством подлинной тоски по родине, по ее пейзажу и быту”»⁴⁰. Струве просит оставить «православных первопроходников и галлиполийцев» в покое и «не говорить о “ложном круге” чужих религиозных эмоций»⁴¹. Он указывает на недопустимую, по его мнению, нетерпимость философа «к чужим религиозным эмоциям, к чужой религиозной вере»⁴².

В этой полемике значительно больше эмоциональной реакции, чем собственно политики. И Струве, и Степун одинаково патриотически настроены, открыто считают большевизм бедой и грехом русской истории, исповедуют христианские начала культуры и политики⁴³. Но для Струве любое подозрение в неискренности патриотического чувства, неотъемлемого от чувства религиозного, кажется недопустимым, едва ли не кощунственным в свете того, что пережито Россией в революцию, и того, что происходит в этот период в советской империи. Эта своеобразная сакрализация патриотического чувства⁴⁴ не позволяет ему критически отнестись к подчас гипертрофированной патриотической риторике, к этому моменту все более свидетельствующей о бессилии русской эмиграции перед исторической реальностью, неспособностью ее трезво осознать и реалистически промыслить дальнейшую программу действий. А для Степуна это требование рефлексирющей совести и критической работы ума остается определяющим, в том числе и в вопросах веры, поскольку вера может быть и ложной, а религиозные убеждения – простым стилизаторством. Иначе как возможно то, что произошло с верующей Россией и с ее «народом-богоносцем», о котором радел Достоевский?

Степун делает важное наблюдение. Марксизм, как казалось русской революционно-демократической интеллигенции, предложил решение для

³⁹ Там же.

⁴⁰ Струве П.Б. Дневник политика. С. 664.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 692.

⁴³ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. С. 626; Струве П.Б. Дневник политика. С. 512, 708. См. также: Загирняк М.Ю. Социальное христианство в философии истории Ф.А. Степуна // Вестник Балтийского федерального университета. 2015. Вып. 6. С. 36–46.

⁴⁴ Струве П.Б. Дневник политика. С. 693.

преодоления застарелых «грехов» России – политического традиционализма, слабой «цивилизованности», «некультурности», «азиатчины» – дал ей новый выход на простор истории. Но этого, согласно Степуну, не произошло. Марксизм как научная теория сознанием масс далеко *не овладел*. Напротив, это сознание *впало* в марксистское беснование за пределами как философской рациональности, должной составлять основу любой научной теории, так и моральной нормы, обязательной для поддержания социальной и культурной жизни. Русское сознание, спровоцированное слепой верой в марксизм, сорвалось в первостихию, которая таится в бесформенности бескрайнего русского ландшафта и бездонности русской религиозности, если она не ограждена культурой⁴⁵. Постоянно возвращаясь к проблеме большевизма, овладевающего русским сознанием, Степун будет недвусмысленно связывать большевизм с состоянием безумия. В этой логике он явно следует метафорическим образам и идеям одной из самых философски сильных и провидческих работ Бердяева «Духи русской революции» (1918), дающей моральный и историософский анализ деградации русского национального сознания, его нигилистически-апокалиптического погружения в революционный хаос и безумие. Указывая на концепт безумия в историософских работах Степуна, В.К. Кантор замечает, что не случайно Степун «противопоставлял коммунистический рационализм и большевистское безумие»⁴⁶. Добавим по этому поводу, что требование разумности в политической практике и культурном действии – личном и общественном – было продиктовано философско-историческими выводами, к которым пришел Степун. С горечью в «Мыслях о России» он произносит, что «все самое жуткое, что было в русской революции, родилось, быть может, из этого сочетания безбожия и религиозной стилистики»⁴⁷. Оценивая в таком ключе события недавнего прошлого, он прогностически выстраивает и возможную перспективу будущего: Степуном не раз были высказаны опасения, что большевизм может снова возродиться в новой исторической реальности, но уже в российско-православном изводе⁴⁸.

Считая такую постановку вопроса философски и нравственно неприемлемой, Струве, оскорбленный, как ему казалось, в своих религиозно-патриотических чувствах, вменяет Степуну именно нечувствительность философа-рационалиста, идущую от дискурсивного «философского анализа и логического рассуждения»⁴⁹. И Струве, и Степун развивают мысль о России как исторической и метафизической реальности, но это тот самый момент в конструировании *онтологии* русской культуры и истории, в котором Степун и Струве действительно расходятся: для Степуна большевизм может в своей превращенной форме быть связанным с православием, для Струве – категорически нет. На наш взгляд, в развиваемом Степуном и Струве дискурсе о России представлены две *онтологические оптики*, общим метафизическим горизонтом которых выступает христианское вероучение и предание церкви, определяющее также аксиологию политико-философских

⁴⁵ Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. С. 65.

⁴⁶ Степун Ф.А. Письма. С. 291.

⁴⁷ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. С. 314.

⁴⁸ О прогнозах и перспективах Советской и постсоветской России см. также: Гаман Л.А. Проблема «перспективизма» в историко-религиозном исследовании: Ф.А. Степун о Советской России // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 2. С. 50–53.

⁴⁹ Струве П.Б. Дневник политика. С. 693.

и культурфилософских построений новгородца Степуна и либерал-консерватора Струве.

Большевистский атеизм и православие для Струве онтологически несовместимы в силу своего духовного и политического антагонизма, наблюдаемого в реальном времени. Степун не оспаривает различимость большевизма и православия и в онтологическом пределе их радикальную нетождественность, но он, как нам представляется, говорит о возможности в обозримом будущем их политического сближения и появления культурно-политической формы *квазиединства*. Струве данной аберрации ни теоретически, ни морально допустить не может, поскольку для него это – метафизическая ложь и уничтожение правды жизни⁵⁰. Степун же здесь выступает с более реалистической в культурологическом отношении и социологически прогнозируемой позиции: духовно чуждые жизненные программы могут идейно и культурно-политически сближаться на каких-то этапах истории, образуя различные превращенные формы, если эти онтологии и аксиологии в силу социальной, политической или экономической необходимости (конъюнктуры), становятся *неразличимыми* друг для друга и смешиваются. Собственно, об этом и предупреждает Степун, налагая требование разумной верификации как практики политики, так и форм религиозности и культурного активизма. Там, где «мистика негативной теологии» может превратиться «в цинизм положительной демонологии», – говорит Степун, анализируя «Бесы» Достоевского и генезис русского революционного сознания⁵¹, – там вполне возможны и ожидаемы превращения с обратным знаком. Почему бы не допустить, что подобно оторванной «от корней бытия» душе Ставрогина *душа* большевизма не затоскует «о жизни и действии» и, перевоплощаясь «в лубье обличья»⁵², продолжая не верить ни в какие идеи, возьмет православие на идеологическое вооружение, как некогда марксизм? Именно так можно понять критическую логику Степуна.

Взгляды Степуна наиболее близки дискурсу о России, развиваемому его соратниками по «Новому граду». Однако при выражаемой общности целей и задач новгородцами, историософские программы Бунакова-Фондаминского, Федотова и Степуна все же отличаются. Если у Бунакова-Фондаминского проявляет себя пространственно-географический подход или «теокультурная идентичность», приводящие его к выводам о России как православной цивилизации, расцветшей на севере Евразии⁵³, у Федотова доминирует европоцентристская логика в интерпретации отечественной истории, основанием которой выступает критерий политической и духовной свободы – идеал «республики Святой Софии»⁵⁴, то у Степуна значительно более сложная философская концепция, находящаяся в орбите соловьевской религиозной метафизики, продуцирующая интуитивно искомый мыслителем онтологический синтез жизни, культуры и творчества. Она связана с попыткой Степуна онтологически оправдать такие бытийные феномены, как свобода,

⁵⁰ Там же. С. 694.

⁵¹ Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. С. 127.

⁵² Там же.

⁵³ Кара-Мурза А.А. Восточная теократия на севере Евразии: «пути России» в историософии И.И. Бунакова-Фондаминского // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 2. С. 11–12.

⁵⁴ Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 9: Статьи американского периода. М., 2004. С. 359.

культура, творчество, личность, религиозный опыт, христианство, политика – саму жизнь в ее историческом, личностном и метафизическом модусах существования⁵⁵.

Применяя к познанию России, ее истории и культуре метод конструирования «идеало-типических конструкций», Степун не отказывается от концепта высшей культурной ценности в духе философии своего учителя Виндельбанда, который говорит о святине, пережитой «как трансцендентная действительность»⁵⁶. Но развивая важный для него тезис, ранее сформулированный в книге «Жизнь и творчество», о переживании жизни как более глубоком и значительном, чем переживание творчества, Степун утверждает целостность жизни только как «религиозное переживание Бога»⁵⁷. Вводя реальность Бога как онтологическое основание жизни и творчества, он словно вырывается на простор религиозно-философской проблематики русской мысли и включается в большую дискуссию по вопросам метафизики, в том числе по вопросу эпистемологического основания своей собственной философской традиции – ее культурно-эпистемологического стиля⁵⁸. В анализе русской истории, культуры, Церкви и революции, конструируя их как идеало-типические, Степун «сгущает типические черты исследуемого явления до некоего *maximum*'а (в пределе), быть может, не встречающегося в действительности»⁵⁹, и в этом идеально-типическом образе России видит ее метаисторическую сущность – являемый духовный лик. В итоговой книге «Мистическое мировидение», венчающей его путь как философа Серебряного века, Степун определяет свой метафизический метод как особый «метод социологии культуры»⁶⁰. Он заключается в интуитивном постижении духа «как самой эпохи, так и ее личностей» с опорой на идею полного всеединства Владимира Соловьева⁶¹. Степун показывает, как «временное и конкретное» в истории творчества складывается в «целостную картину»⁶², и тем дает нам ключ к пониманию авторского метода религиозной онтологизации русской культуры и истории, в оригинальном понятийно-метафорическом стиле концептуально развивая метафизическую триаду *образ – символ – лик*.

Список литературы

Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.

Бузук Г.Л., Гуляев П.С. Архитектоника новой культуры: Ф.А. Степун о духе, лице и стиле русской культуры // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. Вып. 2. С. 49–54.

⁵⁵ См.: Жукова О.А. Россия и революция: философия и социология русской культуры Ф.А. Степуна // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 249–250; Повилайтис В.И. Основные понятия философии истории Ф.А. Степуна // Кантовский сборник. 2011. № 1. С. 55–59.

⁵⁶ Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М., 1995. С. 260.

⁵⁷ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. С. 154.

⁵⁸ См.: Культурно-историческая эпистемология: философские разговоры: К юбилею Бориса Исаевича Пружинина. М., 2024. С. 212–214.

⁵⁹ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. С. 476.

⁶⁰ Степун Ф.А. Мистическое мировидение. С. 32.

⁶¹ Там же. С. 33.

⁶² Там же.

- Вандалковская М.Г. Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е годы XX в.). СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
- Виндельбанд В. Избранное: Дух и история / Пер. с нем. М.: Юрист, 1995.
- Гаврилов И.Б. Ф.А. Степун о России и русской философии // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 345–373.
- Гаман Л.А. Проблема «перспективизма» в историко-религиозном исследовании: Ф.А. Степун о Советской России // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 2. С. 50–53.
- Гаман Л.А. «Символическое мировидение» Вл. Соловьева в свете проблемы направленности исторического процесса: интерпретация Ф.А. Степуна (1884–1965 гг.) // Соловьевские исследования. 2021. № 3. С. 88–104.
- Ермичев А.А. Федор Августович Степун: христианское видение России // Степун Ф.А. Чаемая Россия. СПб.: РХГИ, 1999. С. 446–467.
- Жукова О.А. Дискурс о России и проблема общественного идеала в работах П.Б. Струве 1930-х гг. // История философии / History of Philosophy. 2022. Т. 27. № 1. С. 84–95.
- Жукова О.А. Россия и революция: философия и социология русской культуры Ф.А. Степуна // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 242–261.
- Жукова О.А. Русская интеллигенция перед лицом философской истины: исторический и моральный выбор // История философии / History of Philosophy. 2023. Т. 28. № 1. С. 28–40.
- Жукова О.А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М.: Согласие, 2022.
- Загирняк М.Ю. Социальное христианство в философии истории Ф.А. Степуна // Вестник Балтийского федерального университета. 2015. Вып. 6. С. 36–46.
- Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т. 2. Ч. 1. Л.: Эго, 1991.
- Кантор В.К. Федор Степун: русский философ против большевизма и нацизма // Слово / Word. 2005. № 45. С. 80–89.
- Кара-Мурза А.А. Восточная теократия на севере Евразии: «пути России» в историософии И.И. Бунакова-Фондаминского // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 2. С. 5–20.
- Кара-Мурза А.А. Москва «до» и «после» Революции: социология родного города в сочинениях Федора Степуна // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 262–282.
- Культурно-историческая эпистемология: философские разговоры: К юбилею Бориса Исаевича Пружинина / Под ред. Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2024.
- Лосский Н.О. История русской философии. М.: Академический проект; Трикста, 2011.
- Повилайтис В.И. Основные понятия философии истории Ф.А. Степуна // Кантовский сборник. 2011. № 1. С. 55–59.
- Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014.
- Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция / Сост. В.К. Кантора. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
- Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся: в 2 т. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956.
- Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Сост. и коммент. В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009.
- Степун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / Пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак и Л. Маркевич. СПб.: Владимир Даль, 2012.
- Степун Ф.А. Неопубликованные материалы из архива Ф.А. Степуна / Публ., вступ. статья и коммент. Р. Бёрда // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 280–291.
- Степун Ф.А. Письма / Сост., коммент., вступит. статьи В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013.
- Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004.
- Федор Августович Степун / Под ред. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2012.
- Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 9: Статьи американского периода. М.: Мартис, 2004.

- Штаммлер А.В.* Ф.А. Степун // Русская религиозно-философская мысль XX века / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург: Питтсбургский университет, 1975. С. 322–332.
- Эрн В.Ф.* Нечто о Логосе, русской философии и научности // *Эрн В.Ф.* Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 71–108.
- Chernysheva A., Kostikova A.* Russian Neo-Kantianism of Fyodor Stepun and Sergius Hessen: Features of the Philosophy of Culture // Proceedings of the International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSES 2018) / Ed. by I. Solovjeva, Y. Zhang, R. Green, M. Zhang. Dordrecht: Atlantis Press, 2018. P. 771–774.
- Dmitrieva N.A.* Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The Particularities and Issues of Russian Neo-Kantianism // *Russian Studies in Philosophy*. 2016. Vol. 54. No. 5. P. 378–394.
- Kara-Murza A.A.* «Peacetime Moscow», «Wartime Moscow», «Revolutionary Moscow»: The Three Faces of Fyodor Stepun's Native City // *Russian Studies in Philosophy*. 2018. Vol. 56. No. 2. P. 119–152.

Image, symbol, visage:

F.A. Stepun's ontology of culture and history*

Olga A. Zhukova

National Research University 'Higher School of Economics'. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: logoscultura@yandex.ru

This article is devoted to identifying the features of F.A. Stepun's creative evolution, which resulted in the philosophical concept of Christian culture and history. At the center of consideration of philosopher is the phenomenon of culture as a condition and path of ascent to the Absolute. Stepun thinks of culture as the universal beginning of human sociality and creativity in the historically specific form of its existence. The article shows that Russian culture in its history is such an ideal type, possessing both universal and unique features. According to Stepun, it expresses itself in a figurative and symbolic order of being and has its eternal visage in the metaphysical horizon of history. The thesis is formulated in the work that Stepun develops a specific philosophical and sociological method of comprehending the cultural history of Russia, focusing on the historiosophical criticism of Russian revolution in the emigrant period. Based on a number of theoretical propositions of neo-Kantianism and skillfully using different genres of philosophical discourse, he tries to overcome the ontological contradiction between life and creativity in the idea of Christian culture. In this way, Stepun gives his answer to the key question of European and Russian thought about the relationship between faith and reason, insisting on the need of Christian beliefs for the philosopher as a creative personality and bearer of the spiritual and intellectual tradition of culture.

Keywords: ontology of culture, metaphysics of history, transcendental philosophy, Russian thought, neo-Kantianism, creativity, life, symbolism, revolution

For citation: Zhukova, O.A. "Obraz, simvol, lik: ontologiya kul'tury i istorii F.A. Stepuna" [Image, symbol, visage: F.A. Stepun's ontology of culture and history], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2025, Vol. 18, No. 2, pp. 94–108. (In Russian)

* This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University).

References

- Berdyaev, N.A. *Russkaya ideya* [The Russian idea]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2008. (In Russian)
- Buzuk, G.L. & Gulyaev, P.S. "Arxitektonika novoi kul'tury: F.A. Stepun o duхе, lice i stile russkoi kul'tury" [Architectonics of new culture: F.A. Stepun on the spirit, face and style of Russian culture], *Bulletin of Polessky State University. A series of social sciences and humanities*, 2015, Issue 2, pp. 49–54. (In Russian)
- Chernysheva, A. & Kostikova, A. "Russian Neo-Kantianism of Fyodor Stepun and Sergius Hessen: Features of the Philosophy of Culture", *Proceedings of the International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSES 2018)*, ed. by I. Solovjeva, Y. Zhang, R. Green, M. Zhang. Dordrecht: Atlantis Press, 2018, pp. 771–774.
- Dmitrieva, N.A. "Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The Particularities and Issues of Russian Neo-Kantianism", *Russian Studies in Philosophy*, 2016, Vol. 54, No. 5, pp. 378–394.
- Ermichev, A.A. "Fedor Avgustovich Stepun: christianskoe videnie Rossii" [Fedor Augustovich Stepun: the Christian Vision of Russia], in: F.A. Stepun, *Chaemaya Rossiya* [Dear Russia]. St. Petersburg: RCGI Publ., 1999, pp. 446–467. (In Russian)
- Ern, V.F. "Nechto o Logose, russkoj filosofii i nauchnosti" [Something about Logos, Russian philosophy and scientific knowledge], in: V.F. Ern, *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Pravda Publ., 1991, pp. 71–108. (In Russian)
- Fedotov, G.P. *Sobranie sochinenii, T. 9: Stat'i amerikanskogo perioda* [Collected works, Vol. 9: Articles of the American period]. Moscow: Martis Publ., 2004. (In Russian)
- Gaman, L.A. "'Simvolicheskoe mirovidenie' Vl. Solov'eva v svete problemy napravlenosti istoricheskogo processa: interpretaciya F.A. Stepuna (1884–1965 gg.)" ['Symbolic worldview' by V. Solovyov in the light of the problem of the orientation of the historical process: Interpretation of F.A. Stepun (1884–1965)], *Solovyov Studies*, 2021, No. 3, pp. 88–104. (In Russian)
- Gaman, L.A. "Problema 'perspektivizma' v istoriko-religioznom issledovanii: F.A. Stepun o Sovetskoi Rossii" [The problem of 'perspectivism' in historical and religious research: F.A. Stepun on Soviet Russia], *Bulletin of the Tomsk State University*, 2009, No. 2, pp. 50–53. (In Russian)
- Gavrilov, I.B. "F.A. Stepun o Rossii i russkoi filosofii" [Stepun on Russia and Russian philosophy], *Christianskoe chtenie*, 2017, No. 2, pp. 345–373. (In Russian)
- Kantor, V.K. (ed.) *Fedor Avgustovich Stepun*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012. (In Russian)
- Kantor, V.K. "Fedor Stepun: russkii filosof protiv bol'shevizma i nacizma" [Fedor Stepun: Russian philosopher against Bolshevism and Nazism], *Slovo/Word*, 2005, No. 45, pp. 80–89. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. "Moskva 'do' i 'posl' Revolyucii: sociologiya rodnogo goroda v sochineniyax Fedora Stepuna" [Moscow 'before' and 'after' the Revolution: the sociology of his native city in the writings of Fyodor Stepun], *The sociological review*, 2018, Vol. 17, No. 2, pp. 262–282. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. "Vostochnaya teokratiya na severe Evrazii: 'puti Rossii' v istoriosofii I.I. Bunakova-Fondaminskogo" [Eastern theocracy in the North of Eurasia: 'The Ways of Russia' in the historiography of I.I. Bunakov-Fondaminsky], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 2, pp. 5–20. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. "'Peacetime Moscow', 'Wartime Moscow', 'Revolutionary Moscow': The Three Faces of Fyodor Stepun's Native City", *Russian Studies in Philosophy*, 2018, Vol. 56, No. 2, pp. 119–152.
- Lossky, N.O. *Istoriya russkoj filosofii* [The History of Russian philosophy]. Moscow: Academic project Publ.; Triksa Publ., 2011. (In Russian)
- Povilaitis, V.I. "Osnovny'e ponyatiya filosofii istorii F.A. Stepuna" [Basic concepts of F.A. Stepun's Philosophy of History], *Kant Collection*, 2011, No. 1, pp. 55–59. (In Russian)

- Shchedrina, T.G. (ed.) *Kul'turno-istoricheskaya epistemologiya: filosofskie razgovory: K yubileyu Borisa Isaevicha Pruzhinina* [Cultural and historical epistemology: philosophical conversations: On the anniversary of Boris Isaevich Pruzhinin]. Moscow: Political Encyclopedia Publ., 2024. (In Russian)
- Shtammler, A.V. "F.A. Stepun", *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka* [Russian religious and philosophical thought of the XX century], ed. by N.P. Poltoratsky. Pittsburgh: University of Pittsburgh Publ., 1975, pp. 322–332. (In Russian)
- Stepun, F.A. *Bol'shevizm i christianskaya ekzistenciya* [Bolshevism and Christian existence], ed. by V.K. Kantor. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2017. (In Russian)
- Stepun, F.A. *Byvshee i nesbyvsheesya* [The former and the unfulfilled], Vol. 1. New York: Chekhov Publ., 1956. (In Russian)
- Stepun, F.A. *Misticheskoe mirovidenie. Pyat' obrazov russkogo simvolizma* [Mystical worldview. Five images of Russian symbolism], transl. from German by G. Snezhinskaya, E. Krepak and L. Markevich. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2012. (In Russian)
- Stepun, F.A. *Neopublikovanny'e materialy' iz archiva F.A. Stepuna* [Unpublished materials from the archive of F.A. Stepun], publ., introd. article and comment. by R. Byrd, *New Literary Review*, 2003, No. 63, pp. 280–291. (In Russian)
- Stepun, F.A. *Pis'ma* [Letters], ed., comment., introd. articles by V.K. Kantor. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013. (In Russian)
- Stepun, F.A. *Zhizn' i tvorchestvo. Izbranny'e sochineniya* [Life and creativity. Selected works], ed. and comment. by V.K. Kantor. Moscow: Astrel Publ., 2009. (In Russian)
- Struve, P.B. *Dnevnik politika (1925–1935)* [Diary of a politician (1925–1935)]. Moscow: Russkii put' Publ.; Paris: YMCA-Press, 2004. (In Russian)
- Svyatopolk-Mirsky, D.P. *Istoriya russkoi literatury's drevnejshix vremen po 1925 god* [The history of Russian literature from ancient times to 1925]. Novosibirsk: Svinyin and Sons Publ., 2014. (In Russian)
- Vandalkovskaya, M.G. *Proгнозы postbol'shevistskogo ustroystva Rossii v emigrantskoi istoriografii (20–30-e gody XX v.)* [Forecasts of the post-Bolshevik structure of Russia in emigrant historiography (20–30s of the XX Century)]. St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2015. (In Russian)
- Vindelband, V. *Izbrannoe: Dux i istoriya* [Selected works: Spirit and history]. Moscow: Lawyer Publ., 1995. (In Russian)
- Zagimnyak, M.Y. "Social'noe christianstvo v filosofii istorii F.A. Stepuna" [Social Christianity in the Philosophy of History by F.A. Stepun], *Bulletin of the Baltic Federal University*, 2015, Issue 6, pp. 36–46. (In Russian)
- Zenkovsky, V.V. *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian philosophy], Vol. 2, Pt. 1. Leningrad: Ego Publ., 1991. (In Russian)
- Zhukova, O.A. "Diskurs o Rossii i problema obshchestvennogo ideala v rabotax P.B. Struve 1930-x gg." [Discourse on Russia and the problem of the social ideal in the works of P.B. Struve in the 1930s], *Istoriya filosofii / History of Philosophy*, 2022, Vol. 27, No. 1, pp. 84–95. (In Russian)
- Zhukova, O.A. "Rossiya i revolyuciya: filosofiya i sociologiya russkoi kul'tury F.A. Stepuna" [Russia and Revolution: Philosophy and Sociology of Russian Culture by F.A. Stepun], *Sociological Review*, 2018, Vol. 17, No. 2, pp. 242–261. (In Russian)
- Zhukova, O.A. "Russkaya intelligenciya pered liczom filosofskoj istiny: istoricheskii i moral'nyi vybor" [Russian intelligentsia in the face of philosophical truth: historical and moral choice], *Istoriya filosofii / History of philosophy*, 2023, Vol. 28, No. 1, pp. 28–40. (In Russian)
- Zhukova, O.A. *Tvorchestvo i religioznost' v russkoi kul'ture. Filosofskie issledovaniya* [Creativity and religiosity in Russian culture. Philosophical research]. Moscow: Consent Publ., 2022. (In Russian)